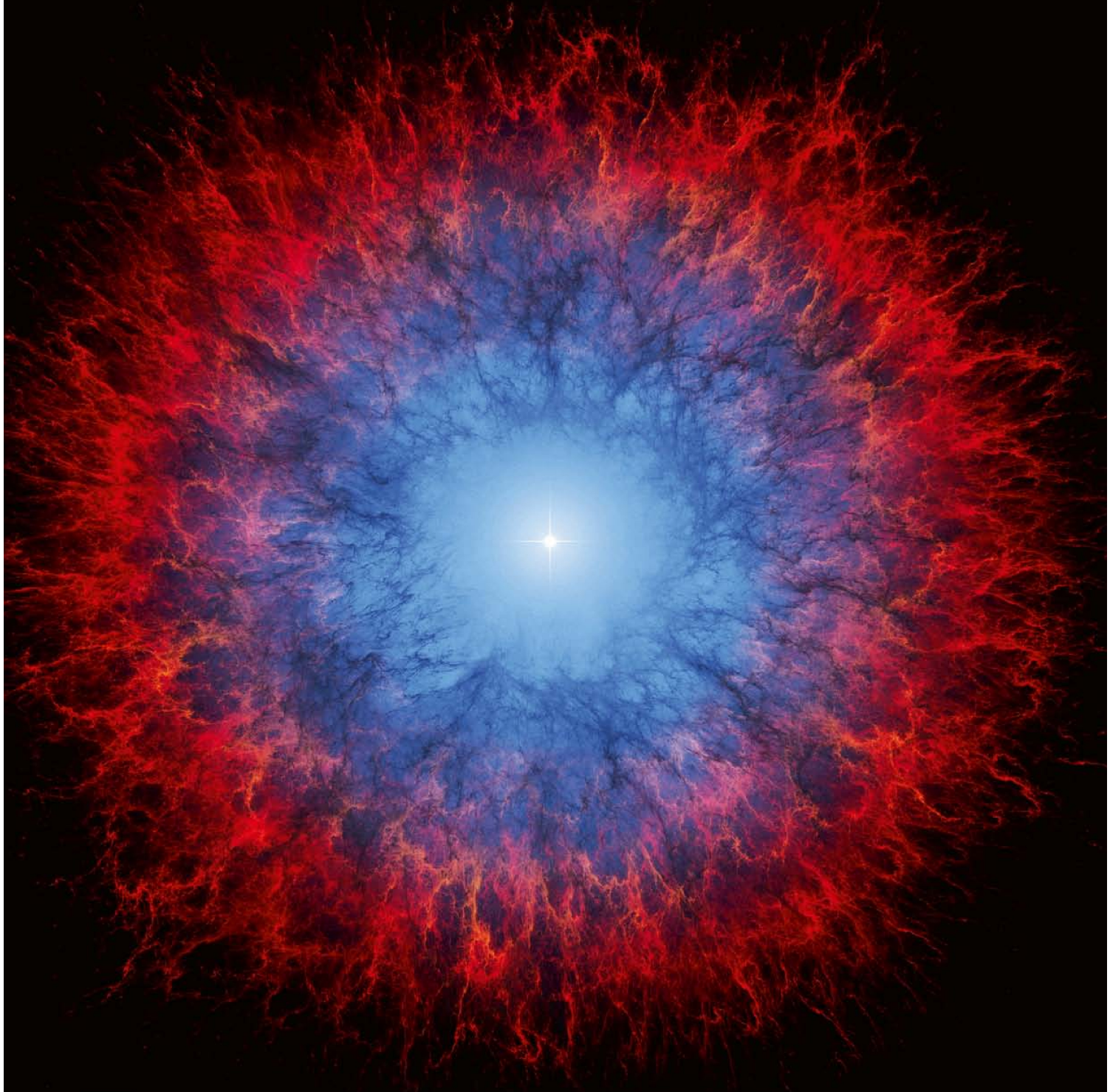




/ Александр ДАШИЧЕВ /

Африка: ПОМОЧЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ





За последние месяцы мы не раз становились свидетелями обвинений западных СМИ и политиков в причастности России к разразившемуся международному продовольственному кризису, который вот-вот нанесёт непоправимый удар по самому уязвимому региону планеты — Африке южнее Сахары, также известной, как «черная Африка». Проводимая Россией СВО якобы подорвала налаженные цепи поставок жизненно необходимого продовольствия, что в глазах коллективного Запада нарушает международное право и используется Россией в качестве инструмента политического давления.

Обоснованы ли данные обвинения, или же их стоит рассматривать не более как попытку прикрыть собственные неудачи? Рассмотрим корни проблемы и прольём свет на реальную картину.

«РАЗВИТЫЕ» И «НЕРАЗВИТЫЕ»

Противники теории Дарвина часто полагаются на тезис, что эволюция не движется от ступени к ступени, а происходит с разной скоростью для всех участников экологических систем, вне зависимости от их текущих стадий развития. Когда можно обернуться на миллионы, а то и миллиарды лет ретроспективы — говорить об эволюции или регрессии становится легче. Но как быть с процессами, которые разворачиваются на наших глазах, качаясь взад-вперёд одновременно?

В 1960-е годы Всемирный банк, а также Международный валютный фонд параллельно разрабатывают и применяют в своих классификациях термин «развивающаяся страна». Несмотря на существование детализированных критериев оценки того, что отличает «развивающуюся» страну от «развитой»¹, в массовом сознании закрепилась примитивная максима: «развитый мир» — это за-

падный мир и несколько технологичных стран Азии. Тем не менее на момент второй половины XX века разрыв между так называемым «развитым» и «развивающимся» миром действительно выглядел существенно, поэтому парадигму «мы» и «они» можно было оправдать. Хотя данные по Азии, Латинской Америке, Океании и Африке были на тот момент предельно похожими, среди самых наглядных примеров упомянутого разрыва всё же стал именно Африканский континент.

Впоследствии для одних деление на «развитые» и «развивающиеся» страны становится основой геополитического дискурса. Для других — являет собой отмерший рудимент эпохи холодной войны. Сам Всемирный банк в 2016 году символично отрешивается от собственной классификации, заявив, что «развивающиеся» страны перестали быть единой группой, так как одни из них почти вплотную приблизились к вчерашним «развитым» странам, а другие так и остались далеко позади. Казалось бы, логика ясна — для нового мира нужны новые схемы.

Но закономерны вопросы: несмотря на формальный уход от «нетолерантной» терминологии в силу новых веяний, произошёл ли в действительности прыжок африканских

«развивающихся» (по устаревшей классификации) стран в «развитые» или в какую-либо иную качественную категорию? И произошёл ли в сущности глобальный переход в какой-то новый мир?

Возможно, как и в вопросе эволюции, мы становимся свидетелями не перехода, а сгущения, наложения одних правд на другие, при которых в песчаной буре постпостмодернизма сплетается желаемое и давно забытое старое.

ЧЁРНЫЙ КОНТИНЕНТ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

В XX веке в популярной культуре сложилась традиция рассматривать новейшую историю Африканского континента через призму сострадания с налётом романтики. Для среднестатистического обывателя «развитых» стран Африка уже долгие годы представляется континентом огромного потенциала. Абстрактных африканцев нужно лишь немного поддержать — и они вот-вот воспарят. Люди на зажиточном Западе и Востоке со школьной парты зазубривают мем о многочисленных голодающих африканских детях и получают возможность найти отдушину своим лучшим самаритянским качествам. В этом есть безусловное

Для среднестатистического обывателя «развитых» стран Африка уже долгие годы представляется континентом огромного потенциала. Абстрактных африканцев нужно лишь немного поддержать — и они вот-вот воспарят. Тем не менее за промежуток длиной в 60 лет, несмотря на многомиллиардные вложения, гуманитарную помощь, фонды развития, научное и экспертное консультирование и амбициозные международные инициативы, — с каждым десятилетием Африка живёт хуже и хуже.

¹ URL: <https://data.worldbank.org/region/least-developed-countries-un-classification>



Каковы же африканские реалии 1980-х? Для стран к югу от Сахары продолжительность жизни для почти 50% населения падает ниже показателей 1930-х. До 15% населения вынуждены вести образ жизни, который не соответствует даже самым низким международным статистическим критериям бедности. Пищевое производство падает по сравнению с 1970-ми. Из 36 самых бедных стран мира — 24 находятся на Африканском континенте. Параллельно идут более 20 горячих вооружённых конфликтов. По территории континента активно мигрируют до семи миллионов беженцев в год, и это на 600% больше по сравнению с 1970-ми.

удобство — экзотическая, утомлённая солнцем земля за пределами известной географии, где лучезарные люди сбросили оковы и теперь с благодарностью воплощают проект лучшей жизни. Чем не институт повышения собственной самооценки? Тем не менее за промежуток длиной в 60 лет, несмотря на многомиллиардные вложения, гуманитарную помощь, фонды развития, научное и экспертное консультирование и амбициозные международные инициативы, — с каждым десятилетием Африка живёт хуже и хуже.

История колонизации Африканского континента южнее Сахары начинается с конца XIII века. Работорговля нанесла неизмеримый ущерб народам Африки — и продолжалась в крупных объёмах вплоть до середины XIX века. Берлинская конференция 1884–1885 годов привела к тугому натяжению колониального пояса, разделив официальные границы сфер влияния Португалии, Бельгии, Британии, Нидерландов, Франции, Италии, Германии и других. После Первой мировой войны Лига Наций распределила бывшие немецкие колонии между странами-участницами, но с мандатом на предоставление независимости в долгосрочной перспективе. На исполнение этого условия уходит в среднем ещё 40 лет, и только к 1960-м годам начинается

волна постепенного освобождения бывших африканских колоний от европейского управления. Эти события разворачиваются под эгидой концептуально нового послевоенного гуманизма вместе с общемировым курсом на деколонизацию, десегрегацию и пересмотр любого рода расовой политики. В 1963 году создаётся ОАУ (Организация Африканского Единства), призванная создать новую платформу развития для автономных африканских государств. И при этом, сразу же, Африканский континент становится плацдармом сложных цивилизационных взаимодействий, как инерционных, так и совершенно новых.

С одной стороны, болезненные очаги колониального прошлого выливаются в трагедии мирового масштаба, как, к примеру, националистические идеи Германии и Бельгии заложили дорожную карту, приведшую к ужасающим потерям человеческих жизней в Бурунди и Руанде в ходе XX века, и закончилось это геноцидом народности тутси в 1994 году. С другой стороны, по мере освобождения бывших африканских колоний начинает разворачиваться шахматная игра между СССР, США и постепенно уходящими европейскими метрополиями. Почерк США проявился через курс на формальную демократизацию

общества с повышенной ставкой на социальный и экономический активизм, зачастую одновременно с антиколониальным и антикоммунистическим подтекстом. Инициатива США на территории стран Африки (к примеру, в Нигерии или Гвинее) в 1950–1991 годы связана в основном с предупредительной или активной блокировкой расширения сферы влияния Советского Союза через ранние экспериментальные формы НКО (например, носящие характер частных волонтерских организаций). Именно на фундаменте, заложенном в годы холодной войны, будет впоследствии строиться западная риторика активного сострадания Африке и остальному «развивающемуся» миру.

Для СССР выход на Африканский континент означал новые внешнеполитические возможности, долгосрочные перспективы военного сотрудничества, торговые связи, а также потенциал для экспорта своей идеологии на международном уровне. Ещё с 1960 года СССР публично поддерживал («Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам» на 15-й сессии Генассамблеи ООН) и спонсировал различного рода «освободительные» фронты и организации, призванные бороться с гнётом эксплуататорских колониальных режимов через организацию «перехода от феодализма к социализму». Параллельно преследовалась стратегическая задача закрепить не только в Северной Африке, но и в Африке южнее Сахары, а также на Красном море, особенно на фоне неудачного финала тридцатилетнего сотрудничества с Египтом в 1976 году. Признание Португалией независимости Мозамбика и Анголы в 1975 году после длительных внутренних конфликтов было использовано Советским Союзом в качестве точки входа на южную часть Африканского континента и привело к непосредственному применению советского военного контингента, пусть и под грифом «Секретно».



Интересно, что, несмотря на глубокое вмешательство во внутренние дела стран Африканского континента, западные исследователи 1980-х годов делают особый акцент на том, что США и СССР представляют собой неколониальные политические образования, и, следовательно, любая их деятельность оценивается как заведомо отличная от деятельности колониальных европейских государств².

Каковы же африканские реалии 1980-х «на земле»?

Для стран к югу от Сахары продолжительность жизни для почти 50% населения падает ниже показателей 1930-х. До 15% населения вынуждены вести образ жизни, который не соответствует даже самым низким международным статистическим критериям бедности. Пищевое производство падает по сравнению

с 1970-ми. Топливная древесина становится дефицитным ресурсом. Меньше детей получают школьное образование, так как имеющиеся школы не справляются с растущим населением. По всему континенту меньше высших учебных заведений, чем в отдельно взятых городах России, Европы или Америки. Бушует малярия и смертельные паразитические заболевания. Из 36 самых бедных стран мира — 24 находятся на Африканском континенте. Параллельно идут более 20 горячих вооружённых конфликтов. По территории континента активно мигрируют до семи миллионов беженцев в год, и это на 600% больше по сравнению с 1970-ми. Проблемы с инфраструктурой и транспортной системой приводят к самым неэффективным сценариям. К примеру, в Танзании, при потенциале к перепроизводству

кукурузы на западе и юго-западе страны, в её других регионах оказывается проще закупать кукурузу извне из-за отсутствия надёжного транспортного сообщения. С 1950-х годов объём осадков снижается каждый последующий год, при этом засушливость климата становится всё более выраженной. Засухи и неурожай приводят к массовому голоду и нехватке простейших продуктов питания. Представители Института антропологии развития (Institute for Development Anthropology) отмечали, что с 1973 года на одни лишь проекты по увеличению поголовья крупного рогатого скота были выделены до \$ 600 миллионов. Достичь поставленных целей, а также добиться окупаемости вложений — не удалось. Некоторые сельскохозяйственные проекты (например, ирригационный проект в северной Нигерии Калифор-



² Africa South of the Sahara: POVERTY, HUNGER AND REFUGEES. Source: Great Decisions, 1983, p. 39. Published by: Foreign Policy Association - Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/43682074>



нийского университета Беркли) привёл к усугублению материального неравенства и социального напряжения в регионе³. Несмотря на более скромное количество данных в открытом доступе, нечто подобное можно констатировать и в отношении многих объектов инфраструктуры, воздвигаемых Советским Союзом в качестве жестов доброй воли, — с одной стороны, они приносили с собой удобства и уровень жизни более «развитой» цивилизации, с другой — зачастую нарушали естественное равновесие местных сообществ.

Если в годы холодной войны упорство США и СССР, несмотря на спорные результаты и неочевид-

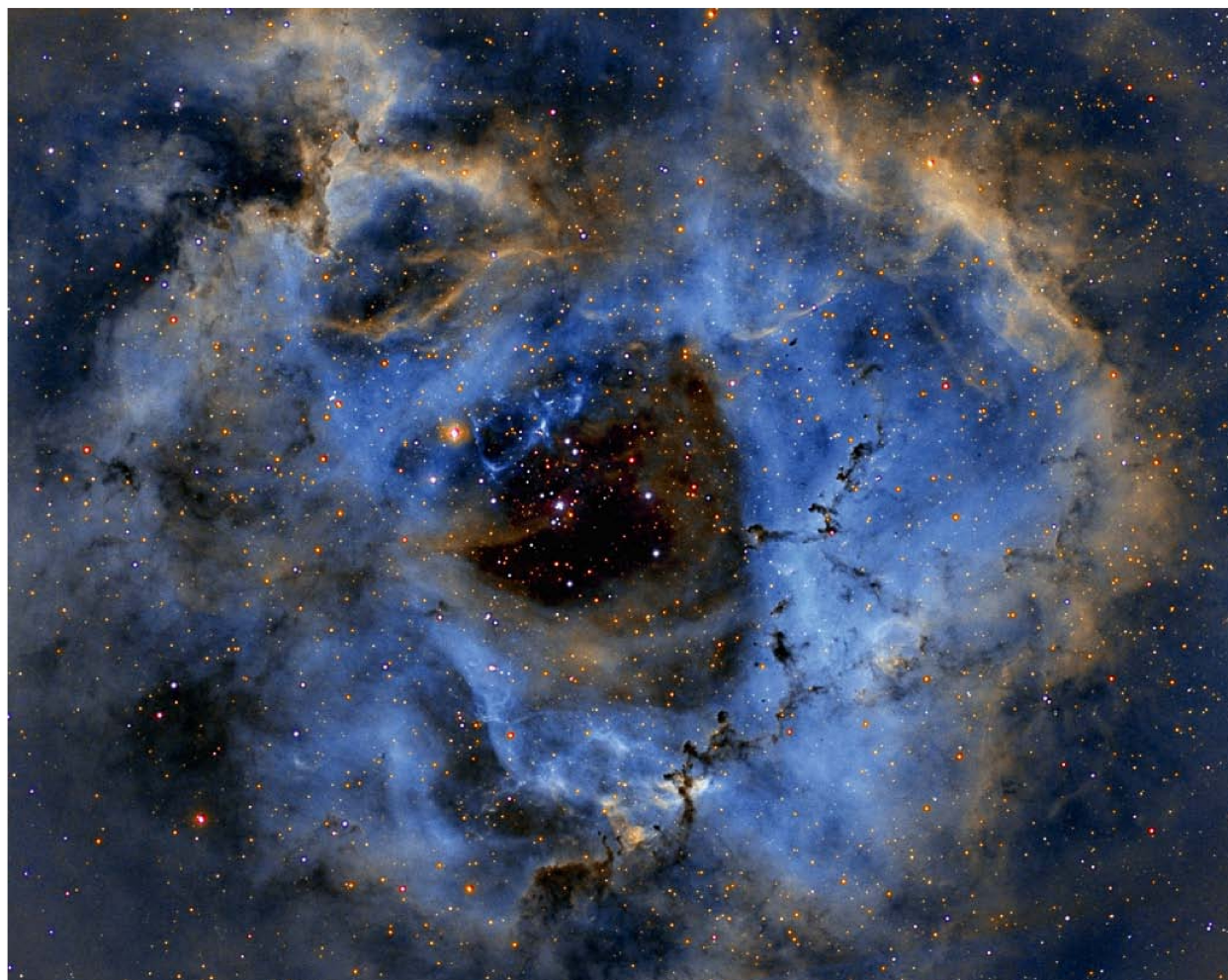
ную выгоду от достигнутого, можно объяснить духом конкуренции, то после 1991 года поддержка Африки должна была изменить свой фокус — на Африканском континенте больше незначает соперничать, а бороться теперь можно за повышение качества жизни. Разве это не идеальная атмосфера для разгона ветра перемен до ощутимых результатов?

ОШЕЙНИК, РЫБА ИЛИ УДОЧКА?

В 1996 году, в своём обращении к демократической партии США, 42-й президент США Билл Клинтон тезисно закрепляет самоощущение американцев относительно своей

международной роли в однополярном мире:

«Мы не можем быть в роли полицейского для всей планеты, но там, где нашим ценностям и интересам угрожает опасность, где мы способны что-то изменить, — мы должны действовать и должны вести за собой. В этом состоит наша работа, и мы становимся лучше, сильнее и защищённее, когда выполняем её. ... За последние четыре года, став вашим президентом, я потратил немало времени, беспокоясь о проблемах Боснии, Ближнего Востока, Северной Ирландии, Руанды, Бурунди. Что общего между всеми этими местами? Люди убивают друг дру-



³ Correspondent's Report: Drought and Hunger in Africa: Denying Famine a Future. Author(s): Maria E. Krenz. Source: Africa Today, 4th Qtr., 1985, Vol. 32, No. 4, Food, Famine and Development (4th Qtr., 1985), pp. 56-58. Published by: Indiana University Press - Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/4186324>



га, зверски убивают детей, потому что отличаются друг от друга»⁴.

В данной речи, как по спирали, проявляется новый виток политической доктрины Джона О'Салливана 1845 года, известной под названием Manifest Destiny (божий промысел, божественное предопределение). «Зона свободы» на сей раз распространяется не на аннексированный Техас или Орегон, а на весь мир. Впоследствии это становится оправдательной платформой коллективного Запада для активного вмешательства во внутреннюю политику стран мира, а также для избирательного искоренения неугодных «отличий».

При ознакомлении с западной научной литературой по африканскому региону южнее Сахары за последние 40 лет появляется чувство deja vu. Есть желаемое, а есть реальное — и пропасть между ними так же устойчива, как и пропасть между «развитыми» и «развивающимися» странами.

С одной стороны, в дискурсе о поддержке Африки с 1991-го и примерно до начала 2010-х годов пропадает компонент конкуренции внешних политических сил, что формально рассматривается многими как фактор позитивного развития. Впрочем, с первой половины 2010-х конкуренция возникает снова, но уже в контексте соперничества США и Китая. С другой стороны, в лучших мальтузианских традициях, исследователи бьют тревогу и сообщают об усугубляющемся кризисе продовольственной безопасности уже на момент 2000-х⁵. Все прочие насущные проблемы кочуют из десятилетия в десятилетие с одним и тем же набором предлагаемых

Если Африку и ждут потрясения в связи с продовольственным кризисом, нелепо пытаться возложить за них вину на Россию — их причиной является общая высокая степень зависимости континента от международных поставок продуктов питания, даже самых базовых (таких как рис и пшеница — до 80%). При таком положении дел пандемия COVID-19 оказалась идеальным штормом, мгновенно надломившим уязвимую отрасль. Продовольственный кризис в субсахарской Африке в первую очередь связан именно с нарушениями цепочек поставок во время пандемии.

решений с 1980-х годов. Голод и засухи — лечить более эффективной организацией дееспособного населения, образовательными программами и вложениями в высокие технологии⁶. Неконкурентоспособность африканской продукции на международном рынке — минимизировать переходом к производству биотоплива⁷. Снижать социальную напряжённость и вероятность насильственной смены власти — через стабилизацию цен на продукты первой необходимости и повышение их доступности⁸. Последнее звучит особенно злое: вполне возможно допустить, что некоторые внешние силы могут использовать искусственное манипулирование ценами на продовольствие с целью стратегической дестабилизации региона.

Процитированное выше исследование Чикагского совета по глобальным делам приводит убедительные данные о наличии явной корреляционной связи интенсивности протестов и массовых беспорядков со скачками цен на продовольствие.

Исходя из этого можно заключить, что кризисы, связанные с ценами на продукты питания, могут иметь прямое влияние на общественные беспорядки, которые, в свою очередь, могут приводить к масштабным последствиям, как, к примеру, свержение власти на Гаити и Мадагаскаре в 2007–2008 годах, или события «арабской весны» в 2011 году.

Невозможно не обратить внимание на то, как очаги социальной напряжённости, связанной с ценами на продукты питания, также находятся в непосредственной близости к важнейшим центрам экспорта нефти.

Но, впрочем, если Африку и ждут потрясения в связи с продовольственным кризисом, нелепо пытаться возложить за них вину на Россию — их причиной является общая высокая степень зависимости континента от международных поставок продуктов питания, даже самых базовых (таких как рис и пшеница — до 80%). При таком положении дел пандемия COVID-19 оказалась

⁴ Прим. — перевод автора. URL: <https://www.nytimes.com/1996/08/30/us/clinton-s-speech-accepting-the-democratic-nomination-for-president.html>

⁵ Food, Hunger, and Insecurity. Author(s): Fred Powledge. Source: BioScience, Vol. 60, No. 4 (April 2010), p. 265 Published by: Oxford University Press on behalf of the American Institute of Biological Sciences - Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/bio.2010.60.4.3>

⁶ Soil Fertility and Hunger in Africa. Author(s): Pedro A. Sanchez. Source: Science, Mar. 15, 2002, New Series, Vol. 295, No. 5562 (Mar. 15, 2002), pp. 2019-2020 Published by: American Association for the Advancement of Science - Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/3076259>

⁷ Starvation in the Sahel: Food Security in Africa. Author(s): Amy Lifland. Source: Harvard International Review, Summer 2012, Vol. 34, No. 1, pp. 6-7 — Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/43746543>

⁸ When Hunger Strikes: How Food Security Abroad Matters for National Security at Home. Author(s): Cullen S. Hendrix. Chicago Council on Global Affairs (2016) - Stable URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep08184>



В вопросе продовольственной безопасности субсахарской Африки ведущую роль играют масштабные проблемы собственного сельского хозяйства. За последние 50 лет урожайность культур в регионе росла крайне незначительно, составив около 1,5 тонны с гектара. Для сравнения: в Южной Азии данный показатель за тот же период увеличился втрое и составил 3 тонны с гектара, а в Восточной Азии — 6 тонн с гектара (шестикратный рост). Более того, Африка теряет до 15% продукции после сбора урожая.

идеальным штормом, мгновенно надломившим уязвимую отрасль.

Исходя из данных Международного валютного фонда по сравнению с 2019 годом за период пандемии (2020–2021 гг.) глобальный показатель цен на продукты питания вырос почти на 20–25%. В Африке южнее Сахары из-за ограничительных мер по ходу пандемии COVID-19 крупнейшие партнёры (Европейский союз, Таиланд, Пакистан) снизили поставки продуктов почти на 25%. Это привело к скачку цен на маниоку (83,2%), пшеницу (18,6%), кукурузу (11,3%). Поэтому не будет преувеличением тезис, что назревший продовольственный кризис в субсахарской Африке в первую очередь связан именно с нарушениями цепочек поставок во время пандемии COVID-19.

Однако притом что такое резкое изменение неизбежно имеет самые серьёзные последствия, особенно для бедного населения, в вопросе продовольственной безопасности субсахарской Африки ведущую роль играют масштабные проблемы собственного сельского хозяйства. За последние 50 лет урожайность культур в регионе росла крайне незначительно, составив около 1,5 тонны с гектара. Для сравнения: в Южной Азии

данный показатель за тот же период увеличился втрое и составил 3 тонны с гектара, а в Восточной Азии — 6 тонн с гектара (шестикратный рост). Более того, Африка теряет до 15% продукции после сбора урожая⁹.

Наряду с вопросами продовольственной безопасности непростая ситуация складывается в аспекте здравоохранения, и в особенности — доступности медикаментов и вакцин. Среди академических статей, посвящённых «прогрессу» в Африке, часто встречаются работы, связывающие разные сферы жизни и доказывающие научным путём заведомо очевидные вещи. Например, что урбанизация территорий, а также доступность образования оказывают благотворное влияние на параметры средней продолжительности жизни и снижают статистику детской смертности¹⁰. Но учитывая сохраняющиеся в Африке трудности, как в вопросе здравоохранения, так и в вопросе образования, безусловно, имеет значение, чьими руками эти трудности решаются. Широко известно, что, например, такая организация, как ВОЗ, состоит в отношениях с широкой сетью тысяч различных гибридных НКО для оптимизации своей международной деятельности и при этом

существует на пожертвования заинтересованных доноров (бюджет 2020/2021 года составил \$ 7,2 миллиарда). Среди доноров ВОЗ можно найти такие организации, как Фонд Мелинды и Билла Гейтс, Фонд Рокфеллера, в том числе, известные своим участием в противоречивой разработке и распространении вакцин от полиомиелита. Также, в случае Фонда Мелинды и Билла Гейтс, известно об их прямом сотрудничестве с британским фармацевтическим гигантом GlaxoSmithKline. Сложно судить, насколько в действительности такие организации заинтересованы в решении глобальных проблем. Многочисленные скандалы вокруг аморальных практик крупнейших фармацевтических организаций — не самая популярная тема в мейнстримном медийном пространстве, а поскольку найти доказательства о естественном происхождении тех или иных вспышек каких-либо заболеваний почти невозможно, это, разумеется, отправляет нас в область конспирологии. Но факт остаётся фактом, как и в случае с продовольственной безопасностью, у ведущих стран мира есть безусловная возможность использовать своё технологическое преимущество в области фармацевтики в качестве инструмента прямого или косвенного политического воздействия. Ещё свежи воспоминания «мировых войн вакцин» от COVID-19, которые освещались в прессе подобно играм национальных команд в футбольных матчах.

Можно констатировать, что объёмы помощи странам Африки со стороны развитых стран коллективного Запада за последние полстолетия существенно выросли: если в 1970-е годы среднегодовой объём средств в рамках программы Официальной помощи в целях развития (ОПР) Африке со стороны основных доноров

⁹ Okou, C., Spray, J., and Unsal, D. F. 2022. Staple Food Prices in Sub-Saharan Africa: An Empirical Assessment, IMF Working Papers, WP/22/135, p. 11-13, 26 — Stable URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2022/07/08/Staple-Food-Prices-in-Sub-Saharan-Africa-An-Empirical-Assessment-520567>

¹⁰ Health Policy OPEN Volume 1, December 2020, 100013 — Health Policy OPEN — Drivers of Health in sub-Saharan Africa: A Dynamic Panel Analysis. Mwimba Chewe & Peter Hangoma - <https://doi.org/10.1016/j.hpopen.2020.100013>



составлял менее 9 млрд долларов, то в период 2010–2016 гг. он увеличился до 27,6 млрд долларов (в сопоставимых ценах 2015 года)¹¹. Однако, как можно увидеть из вышеприведённых фактов и цифр, большинство проблем Африки лишь усугубились.

Уместен вопрос: можно ли предположить, что скромные результаты Официальной помощи в целях развития на Африканском континенте связаны с проблемами внутреннего характера?

Во-первых, по данным Transparency International на 2012 год, 89,6% африканских стран южнее Сахары демонстрируют хроническую предрасположенность к коррупции¹², что, в свою очередь, поддерживает устойчивый баланс сил и дистанцию между имущими и неимущими. За 50 лет местные власти имели мас-

су возможностей проанализировать эффективность выбранного вектора взаимодействия с донорами. Программой-минимум могла бы быть африканская самодостаточность в самых базовых областях, например продовольственной. Но при всей поддержке такого не случилось. Следовательно, можно было бы заключить, что материальная помощь в том формате, в котором она предоставляется коллективным Западом, скорее становится инструментом стабилизации коррумпированной власти на местах, так как доступ к распределению материальной помощи закрепляет способность последней поддерживать своё доминирующее положение. При этом, чтобы сохранить свой статус посредников между заинтересованными международными донорами и нуждающимся населением,

не требуется предпринимать никаких реальных действий, достаточно позволять ситуации стагнировать. Критики ОПР часто переводят обсуждение сложившейся ситуации в плоскость человеческой мотивации — человек всегда идёт по пути наименьшего сопротивления, и раз есть многолетняя перспектива помощи со стороны, то существуют ли условия для стремления к обретению полноценной самостоятельности? Кризисы же не меняют сложившуюся систему, так как в условиях кризиса становится вдвойне тяжело проектировать и приводить в исполнение схемы, сулящие результаты потом, а не здесь и сейчас.

Во-вторых, исторические связи африканских стран с различными странами западного мира также означают фаворитизм, основанный



¹¹ Development Aid At A Glance - Statistics By Region — Данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2018 года. URL: <http://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/>

¹² Theron, P.M., 2013, 'Corruption in Sub-Saharan Africa: A practical-theological response', In die Skriflig/ In Luce Verbi 47(1), Art. #676, 8 pages. <http://dx.doi.org/10.4102/ids.v47i1.676>



не на системном видении нужд Африканского континента, а на наличии общего прошлого. Это ещё больше усугубляет неравномерное распределение помощи в регионе, известном своей разнородностью. Но, в отличие от СССР и Китая, западные страны исторически неохотно вкладывались в развитие инфраструктуры, поскольку это лишало их возможности прямого контроля над местными правительствами. Использование ресурса материальной и продовольственной помощи в одностороннем порядке позволяет занять положение не равноправного партнёра, а диктующего условия.

В-третьих, уже в 1980-х годах исследователи отмечали склонность африканских народов к парадигме «каждый сам за себя». Жёсткие границы «своих» и «чужих» приводят к непродуктивному непотизму, при котором люди оказываются на управленческих должностях не за свою компетентность, а в силу

дружеских или родственных связей. При таком раскладе результатом успешного карьерного роста является не построение долгосрочной перспективы развития, а возможность гарантированной наживы.

Уместен и такой вопрос: отсутствие значимых улучшений на территории Африканского континента — это непредвиденный сценарий или, наоборот, запланированный?

Совершенно очевидно, что большая часть рецептов для решения имеющихся проблем известны уже не одно десятилетие, и нет сомнений в способности США и коллективного Запада справляться с задачами глобальных масштабов. К тому же у США, стран Британского Содружества и ЕС есть прочная идеологическая база, которая подталкивает собственное население «не оставаться в стороне» и принимать активное финансовое участие в поддержке социально значимых инициатив на Африканском континенте.

Можно выдвинуть гипотезу, что в промежутке 1991-го — начала 2010-х мы, вероятно, наблюдали замкнутый цикл, в котором всех всё устраивало: локальные правительства Африканского континента ожидали готовых решений и возможности извлечь быструю выгоду, а страны коллективного Запада превратили Африку в проект по продвижению своей идеологической платформы. Но сумма нерешённых проблем перевешивает наработанные решения, и такая ситуация имеет все шансы войти в мёртвую петлю. В случае с Африканским континентом это особенно ярко проявляется в аспекте климатических изменений¹³, и текущие объёмы помощи не способны в корне изменить процессы такого уровня.

В то же время несоответствие обещанного сделанному открывает двери для новых игроков с другими подходами к решению проблем и иными системами организации



¹³ Report Part Title: Coastal threats in West Africa Report Title: CLIMATE CHANGE AND SECURITY IN WEST AFRICA Report Author(s): Peter Schmidt and Robert Muggah Published by: Igarape Institute (2021) — Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep29101.5>



деятельности. Соответственно, начало 2010-х годов связано со стремительным появлением на африканской геополитической арене Китая в качестве нового системного и постоянного участника ОПР.

НОВОЕ ИЛИ ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

По данным Всемирного банка, из 700 миллионов человек, которых удалось вывести из состояния бедности за промежуток 1981–2010 годов, 627 миллионов проживали в Китае. Китай оказался среди тех, кому не только удалось выйти из разряда «развивающихся» стран, но и оказаться в роли постепенно крепнущей супердержавы с далеко идущими глобальными амбициями.

С начала 2010-х годов китайские институты финансирования развития стабильно занимают доминирующие позиции в аспекте инвестирования в африканские инфраструктурные проекты. Так, суммарные китайские вложения в объекты инфраструктуры в страны Африки южнее Сахары, осуществлённые по линии двухстороннего сотрудничества официальными государственными финансовыми институтами развития, за период 2007–2020 гг. составили 23 миллиарда долларов против 9,1 миллиарда долларов, направленных аналогичными организациями США, Японии, Германии, Нидерландов и Франции, вместе взятых¹⁴. При этом более 60% китайских вложений в последние годы направлялись в сектор электроэнергетики. Инвестируя одновременно в энергетику, строительство железных дорог, а также в реконструкцию африканских портов (в особенности на западном побережье африканского континента)¹⁵, Китай вырисовывает контуры сво-

Западная риторика о «негуманности», «неэтичности» и «неоколониальности» китайского присутствия в Африке выглядит скорее как банальное недовольство меняющимися реалиями и страх перед потерей нагретого места под солнцем. А отсутствие крупных успехов западной помощи, несмотря на громкие заявления и растущие цифры, вызывает сомнение в искренности добрых намерений.

его будущего присутствия в Африке, и достаточно очевидно, что это вложение в долгосрочную перспективу.

Первая китайская заграничная военная база с контингентом в 2000 человек появилась в Джибути в 2017 году и является своеобразным пилотным проектом. Чем больше растёт влияние Китая на страны Африки, тем выше вероятность, что мы увидим на их территориях и новые военные базы, всё больше закрепляющие положение Китая как состоявшейся супердержавы.

Стоит отметить, что Китай действует в Африке, не обращая внимания на карту бывшего европейского, американского или советского влияния. Для Африки в этом можно увидеть черты принципиально новой реальности, при которой мотивация заинтересованного иностранного государства связана не с колониальными интересами, не с идеологическим противостоянием, а с чисто прагматическими целями и задачами. Многими экспертами отмечается интерес Китая к Африке в первую очередь как к масштабному плацдарму для производства продовольствия. Но любое развитие в или за пределами сельского хозяйства требует соответствующей энергетической и логистической инфраструктуры.

Китай пришёл на Африканский континент с альтернативной си-

стемой ценностей и собственной стратегией, но по сравнению с подходом Западного мира — концентрация на строительстве объектов инфраструктуры означает большую «заметность» результатов, что означает и большее вложение в реальное благосостояние населения.

На этом фоне западная риторика о «негуманности», «неэтичности» и «неоколониальности» китайского присутствия в Африке выглядит скорее как банальное недовольство меняющимися реалиями и страх перед потерей нагретого места под солнцем. А отсутствие крупных успехов западной помощи, несмотря на громкие заявления и растущие цифры, вызывает сомнение в искренности добрых намерений. Нет сомнений, что в ближайшее время мы будем наблюдать всё большую перестройку западной деятельности в Африке на антикитайский лад.

Но при этом нельзя исключать, что успешная первая стадия сближения Африки и Китая скорее связана с усталостью от навязанного Африке порядка по программе Западного мира. Приведёт ли новое партнёрство к долгожданному скачку развития, или же африканский континент ждёт очередная безрезультатная шахматная партия супердержав, в которой интересы последних будут стоять выше интересов самой Африки?

¹⁴ Nancy Lee and Mauricio Cardenas Gonzalez. 2022. "Stuck Near Ten Billion: Public-Private Infrastructure Finance in Sub-Saharan Africa." CGD Policy Paper 251. Washington, DC: Center for Global Development. <https://www.cgdev.org/publication/stuck-near-ten-billion-public-private-infrastructure-finance-sub-saharan-africa>

¹⁵ URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9554253/How-China-bought-influence-Africa-warns-new-naval-base-there.html>